

АНДРЕЙ ШУМИН
И ЕГО ГЕРОИ

СКАЗОЧКИ НА ЧЕРДАКЕ

МИКРОСКАЗКИ

1 ТОМ

Андрей Шумин

**«Сказочки на чердаке»
микросказки 1 том**

«Автор»

2026

Шумин А.

«Сказочки на чердаке» микросказки 1 том / А. Шумин —
«Автор», 2026

На старом чердаке поздними вечерами собираются странные существа и читают сказки. Чаще всего герои читают народные сказки но иногда они сами читают свои собственные. У наших сказочных героев, которые приходят на чердак, в запасе есть много интересных историй. Слушайте и читайте истории жителей чердака и их гостей. Все наши чтецы живые из самых настоящих мультиков. У каждого из них своя судьба, свои привычки и склонности. Все они настоящие волшебники. Помог появиться им на свет Андрей Шумин. Тяжело им было освоиться в нашем мире. Со временем они сумели привыкнуть и теперь даже пишут читают нам свои сказки! Приходите послушать и почувствовать волшебство в каждом слове. Но предупреждаю! Будьте осторожны и не слушайте эти сказки за рулём автомобиля или когда путешествуете на велосипеде. Сказки не любят суеты.

© Шумин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Кузьма и банный шут	5
2. Глиняная невеста	6
3. Хромой журавль, что звёзды пас	7
4. Доска шептунья	8
5. Мышиный князь	9
6. Костяная книга	10
7. Стекланный зять	11
8. Молочный волк	12
9. Немой горох	13
10. Гвоздь судья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

«Сказочки на чердаке» микросказки 1 том

1. Кузьма и банный шут

Жил-был мужик Кузьма. Баню топил по-чёрному, парился по субботам. И всякий раз, как плеснёт на каменку, слышится из угла тонкий смех, да не человеческий. Кто тут балует? - спросил однажды Кузьма. А ему из-под полка отвечают: я, Банный Шут. Твой пар мне силу даёт. Ты паришься, а я расту. Кузьма испугался, да делать нечего баня своя, не кинет. Стал он Шута подкармливать: по субботам оставлял в шайке кусок ржаного хлеба. Шут рос, скоро стал в рост человека, а под конец и вовсе в баню не влезал и ноги в предбаннике, голова в потолок упирается. Пришёл Кузьма в баню в воскресенье, а Шут ему и говорит: - Заждался я, Кузьма. Теперь ты мой черед парильщиком быть. И схватил мужика, как веник и стал о каменку его хлестать. Кузьма кричит, а Шут хохочет. Так и парил его три дня, пока Кузьма паром не стал. С тех пор в той бане никто не парится то оттуда стон идёт, да банный смрад. А если кто заглянет, видит: сидит в углу косматая тень, веником машет и приговаривает: «А ну-ка, поддай парку».

2. Глиняная невеста

В одной деревне жил парень Фёдор, нелюдимый, работающий, а под венец нейдёт. Мать ему и говорит: - Сынок, хоть из глины слепи себе жену, только не живи бобылём. Фёдор послушался, слепил из красной глины девицу, поставил в угол, глаза углём нарисовал, косу из льна привязал. А ночью слышит, что в углу шевеление. Глянул, а глиняная девица сидит, голову поворачивает. Что тебе надобно? - спросил он. Она сухим голосом отвечает: тепла мне, Фёдор. Оттого я и живая, что ты меня руками мял. Но сердце глиняное, холодное потому его согрей. Стал Фёдор её у печки держать, на коленях носил, шубами укрывал. Она ожила, ходить научилась, стала ему кашу варить, да за стол с ним садилась. Только ест она, а глина так и крошится, посуда в рот не идёт. Свадьбу сыграли. Первую ночь Фёдор с ней в постель лёг, а она рядом лежит и тает. К утру только лужица глины на подушке осталась, да два уголька, её глаза. Тот Фёдор с тех пор ходит по деревне, глину ищет, руками мнёт и шепчет: «Выйди, выйди, моя глиняная».

3. Хромой журавль, что звёзды пас

Жил на болоте журавль, да не простой, правую ногу волок, оттого и осенью не улетел. Остался зимовать, у кочки сидел, крякал от голода. На ту беду пришёл старец-странник, сел рядом, молчит. Журавль ему и говорит человеческим голосом: - Зачем ты здесь, старик? Я и так пропадаю. А я, - отвечает, - тебя пасти пришёл. Ты не простой журавль, ты звёздный пастух. Летом ты звёзды по небу гонял, да ногу сломал, и они разбежались по лесам. Журавль удивился, а старец дал ему нитку серебряную: на, нанизывай на нитку всё, что светится в лесу. Кто светит, - тот и звезда, отбившаяся от стада. Стал журавль ковылять по лесу и на нитку нанизывать: светлячков, росу в лунном луче, осинового листья. Набрал полную нитку, а старец исчез. Журавль взмахнул здоровым крылом, и в небо взвился, нитку за собой потащил. С тех пор на том болоте каждую ночь светятся звёзды, что журавль пасёт, а хромой пастух стоит на кочке и кличет звёзд, как овец: «Цоба-цоба, небесные».

4. Доска шептунья

В одной избе под половицей жила доска, старая, сосновая, со щелью посередине. И всякий, кто на неё ступал, слышал свой собственный голос, но произнесённый наоборот. Жила в той избе вдова Акулина. Встанет поутру, босая ступит на доску и слышит: «Анилука». Испугается, перекрестится, а доска опять: «ыт от, ин ищо». И так всякий день, будто доска разговаривает с ней, да не по-людски, а выворотным наречием. Собралась Акулина продавать избу, да доска ей ночью приснилась и сказала правильно: не продавай, Акулина. Я твоя душа, изъяном вышедшая. Я всё, что ты не сказала, говорю. Ступи и услышишь себя настоящую. Акулина со страху на доску наступила и услышала: «Я люблю тебя, мамка». Это она сама себе сказала - шепнула доска, да в обратную сторону перевернула так, что правда наружу вышла. С той поры Акулина каждое утро на ту доску ступает и слушает, что у неё на душе лежит. А доска скрипит, да не по-дьявольски, а по-бабы жалостливо. И люди в той избе стали говорить только правду, да и то по ночам, шепотком.

5. Мышиный князь

За печкой в старой избе завёлся мышиный князь. Не простой, а в махровом халате из паутины, с серебряной цепью на шее из чайных ложек. Ходил по ночам, стучал коготком по трубе и приказывал: несите мне, мыши, чего не было. Мыши тащили ему: пустую катушку, сухой горох, перо вороны, уголёк из печки. Он всё это складывал в дыру под половицей и говорил: «Этого нет ни у людей, ни у духов, это только моё». Хозяйка та изба всё примечала, да молчала. Однажды ночью, когда князь сидел на блюде и судил мышиные дела, она взяла метлу и сказала: А ну, покажи, чем ты князь, если у тебя всё краденое да пустое? Мышиный князь встал на задние лапки и ответил: князь я тем, что собираю ненужное. У людей и зверей есть лишь то, что им нужно, а я храню то, что никому не нужно. Оттого я богаче всех. Хозяйка плюнула, махнула метлой и разметала всё его добро по избе. Но с той ночи в её доме начало пропадать всё важное: соль, нож, ключи, деньги. А под половицей слышался тихий смех и звон ложек. Князь ушёл в подполье, но оставил записку на чайном листе: «Ты сказала, что моё пустое. Я взял твоё нужное, чтобы ты знала, как оно бывает, когда нет ничего». С тех пор хозяйка каждую ночь оставляла на столе ломоть хлеба и мышиного князя больше не сердила. Ибо уважение к ненужному оберегает от пропажи нужного.

6. Костяная книга

В глухой деревне, где даже петухи не пели по ночам, жил дьячок Фома. Он собирал старые книги, переписывал их, да однажды нашёл в дупле вяза пергаментный свиток, перевязанный берёстой. На свитке было написано всего одно слово: «ОТКРОЙ». Фома открыл и из свитка вырвался сухой, как осенний лист, голос. Книга заговорила: Я Костяная Книга. Я знаю, как кто умрёт. Но за знание ты заплатишь. Фома испугался, да любопытство пересилило. Он прочитал первую страницу: «Кузнец Герасим умрёт от своего молота». Через три дня Герасим поскользнулся, молот упал ему на голову. Фома похолодел, но не удержался и прочитал вторую: «Попова дочь Матрёна умрёт на свадьбе». Так и случилось, в день свадьбы упала с крыльца и свернула шею. Собрал Фома книгу в мешок, хотел сжечь, а книга изнутри говорит: жги, Фома. Я твоя судьба. Если сгоришь меня, сгоришь и ты. Фома заплакал, раскрыл книгу на последней странице, а там пусто. И вдруг буквы проступили сами собой: «Фома-дьячок умрёт...» и дальше не дописано, лишь чей-то мокрый след, будто перо обмакнули в слезу. И стоит Фома до сих пор на перепутье, не решается дочитать, а книга с каждым днём тяжелеет, и кожа на руках у него становится пергаментной, а на запястьях проступают буквы как начало его собственной смерти. Говорят, по ночам он сидит с книгой на коленях и шепчет: «Только бы не дописать».

7. СтеклЯнный зять

Была у вдовы Прохоровой дочь Марья, хорошая, но гордая. Отказывала женихам да всё не тот, не с тем. Мать ей и говорит: хоть стеклянного зятя возьми, лишь бы не стинула в девках. Марья рассердилась, пошла в лес, нашла сосну с застывшей смолой, вырезала из неё человечка, одела в кафтан, посадила за стол и говорит: вот тебе и зять. Стеклянный, зато не перечит. А ночью слышит, звенит что-то. Глянула, человечек вырос, стал в рост человека, сам прозрачный, как смола, а внутри него угли тлеют. Ходит по избе, ступает бесшумно, и как на Марью посмотрит, так стёкла в окошках трещат. Он сказал ей: Я твой зять, Марья. Но я не живой, а светящийся. Теперь ты не уснёшь, покуда я не потухну. Стал он ей каждую ночь рассказывать, как горит смола, как деревья кричат, когда их режут. Утром он остывает, становится прозрачным, как вода, а с заходом солнца вновь загорается изнутри. Марья не выдержала и разбила его кочергой. Посыпались осколки, а из них вылетел огонёк, облетел избу трижды и погас. А Марья с той поры сама стала прозрачной и сквозь неё видно свет луны. Сидит в избе, светится и ждёт, когда кто-нибудь её разобьёт или согреет.

8. Молочный волк

Зимой, в самый лютый мороз, у одной бабы пропала корова. Пошла она на поле искать, а поле пусто, лишь волчьи следы. Вдруг из сугроба выходит волк, да не серый, а белый, как сметана, и пахнет от него парным молоком. Баба перекрестилась, а волк говорит: не бойся, баба. Я не твою корову съел. Я сам корова. Я Молочный Волк. Меня родила земля, чтоб я молоко носил зубами. И он разинул пасть, а там, на языке, стоит кринка с топлёным молоком. Отдал бабе кринку и сказал: теперь ты будешь меня доить дважды в день. А если не подойдёшь то пропадёшь. Стала баба доить волка по утрам и вечерам. Молоко у него сладкое, густое, но стоило бабе отвернуться волк ухмылялся клыками и тихо считал: «Раз, два, три, пока баба смотрит, я добрый; как отвернётся то я злой». Через месяц баба заметила, что у неё самой на пальцах появился белый мех, а зубы стали острыми. Поняла она, что не волка она доит, а себя кормит его молоком и становится им. Испугалась, перестала доить. Волк рассвирепел, стал караулить у порога и выть по-овечьи. Кончилось тем, что баба встала на четвереньки и сама к волку пришла и доить себя ему подставила. Теперь ходят по деревне двое белых волков: один с кринкой на языке, другая с подойником в зубах. И всякий, кто их увидит, слышит тонкий звон, будто молоко льётся в снег.

9. Немой горох

В одном огороде вырос горох, да не простой: стручки на нём лопались с шепотом, а горошины были с вырезанными лицами. Бабка Анисья сорвала стручок, глянула, а на горошине было вырезано: «Съешь и будешь нем». Она отбросила, да внучок Ванька подобрал, съел. И вмиг онемел. А горох на грядке начал говорить человеческим голосом, да страшным, как скрип качелей: я Немой Горох. Я даю немоту, а взамен беру голоса. Ванькин голос теперь во мне. Если хочешь его вернуть полей меня молоком. Баба Анисья полила горох молоком. Горох вздулся, лопнул, и из лопнувшего стручка вылетел не голос, а стая чёрных мух, которые стали жужжать в точности голосом Ваньки: «Баба, баба, баба!» Ванька открыл рот, а оттуда пошло гороховое пюре. Он хотел крикнуть, но вылетали только зелёные стручки. Так они и остались: бабка глухая к мушину голосу, Ванька с гороховыми стручками вместо слов. А горох по сей день растёт, и каждый, кто его сорвёт, либо немеет, либо говорит лишь гороховой скороговоркой: «Лоп-лоп-лоп, квась-квась».

10. Гвоздь судья

Однажды плотник Ермолай заколачивал доску в сарае и молотком промахнулся, но гвоздь застрял не в доске, а в воздухе, на полпути, и не падал. Ермолай удивился, хотел вытащить, а гвоздь ему человеческим голосом: не трожь. Я Гвоздь-Судья. Я решаю споры между досками и бревнами. Кто меня выдернет, тот сам окажется на моём месте: воткнутым в пустоту. Ермолай отошёл, а гвоздь повис и заскрипел. С той поры в сарае начались странные дела: доски скреблись, как живые, бревна стонали. Каждое утро Ермолай заходил и видел, что гвоздь перекочевал на другое место: то в потолок, то в дверь, то в пол. Однажды он уснул в сарае, а проснулся от того, что сам висит на гвозде, как шляпа, прибитая к стене. Он закричал, а гвоздь из угла ответил: ты сам хотел меня выдернуть. Я исполнил твоё желание теперь ты гвоздь, а я плотник. И стал Ермолай висеть на стене ржавым гвоздём, а гвоздь вырос, принял его обличье и ушёл в город. Говорят, теперь в соседней деревне плотник Ермолай стал дюже хорошим, ни одна доска без его ведома не скрипит. А в его старом сарае до сих пор торчит из стены ржавый гвоздь, и если к нему прикоснуться, он тихо стонет: «Выдерни меня, выдерни...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.